

 СОДЕРЖАНИЕ

Игумен Петр (Мещеринов).

Герхард Терстеген – мистик, пиетист, поэт 7

ПУТЬ ИСТИНЫ, или подлинного благочестия

Предисловие 65

Трактат I.

РУКОВОДСТВО К ИСТИННОМУ РАЗУМЕНИЮ И ДУШЕПОЛЕЗНОМУ
ПРИМЕНЕНИЮ Священного Писания 69

Трактат II.

РАССУЖДЕНИЕ О ГРАНИЦАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО УМА
В ДЕЛЕ ПОСТИЖЕНИЯ БОЖЕСТВЕННЫХ ИСТИН 121

Трактат III.

КРАТКИЙ ТРАКТАТ О СУЩНОСТИ И ПОЛЬЗЕ
ИСТИННОГО БЛАГОЧЕСТИЯ 157

Трактат IV.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ОСОБЫМ ДУХОВНЫМ ДАРАМ, ВИДЕНИЯМ,
ОТКРОВЕНИЯМ И ТОМУ ПОДОБНОМУ 183

Трактат V.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ОТ ДУХОВНОЙ ПОВЕРХНОСТНОСТИ
И БЕСПЕЧНОСТИ, СОДЕРЖАЩЕЕ ТАКЖЕ КРАТКОЕ
РАССМОТРЕНИЕ ТОГО, КАКОВА СВЯЗЬ МЕЖДУ ОСВЯЩЕНИЕМ
И ОПРАВДАНИЕМ, РАВНО КАК И ТОГО, ЧТО ОТНОСИТСЯ
К ЗАКОНУ, А ЧТО – К ЕВАНГЕЛИЮ 197

Трактат VI.	
О РАЗЛИЧНОМ ПОНИМАНИИ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ БЛАГОЧЕСТИЕ И ПРЕУСПЕЯНИЕ В НЁМ	253
Трактат VII.	
ВИДИМОСТЬ И СУТЬ, ПУСТОЙ ОБЛИК И ПОДЛИННАЯ СИЛА БЛАГОЧЕСТИЯ, ИЛИ СЛУЖЕНИЯ БОГУ	299
Трактат VIII.	
ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ, ИЛИ ПРЕБЫВАНИЕ ТОЛЬКО С БОГОМ И В САМОМ СЕБЕ	321
Трактат IX.	
КРАТКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ, КАК ИСКАТЬ БОГА И ЛИЦА ЕГО	345
Трактат X.	
СОВЕРШЕННЫЙ ПУТЬ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ	357
Трактат XI.	
БРАТСКОЕ УЧИТЕЛЬНОЕ, УВЕЩАТЕЛЬНОЕ И УТЕШИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ К ОБРАТИВШИМСЯ К БОГУ ДУШАМ	371
Трактат XII.	
О ХРИСТИАНСКОМ ОТНОШЕНИИ К ДУХОВНЫМ ПЕСНОПЕНИЯМ И ЦЕРКОВНОМУ ПЕНИЮ	389
Приложение I.	
ИЗЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О ВЕРЕ, ОПРАВДАНИИ, ПИСАНОМ СЛОВЕ БОЖИЕМ И ПРОЧЕМ	405
Приложение II.	
СИЛА ЛЮБВИ ХРИСТОВОЙ. Проповедь, произнесённая 18 октября 1751 г.	437
ИИСУСА ОДНОГО ЛЮБИТЬ	477
УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТ ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ	479

Игумен Петр (Мещеринов)

ГЕРХАРД ТЕРСТЕГЕН – МИСТИК, ПИЕТИСТ, ПОЭТ

В 1813 году русские войска, разбив Наполеона в России, совершали свой победный марш в Париж. Одно из воинских соединений проходило через немецкий город Мюльхайм, стоящий на реке Рур. Неожиданно для горожан несколько русских офицеров попросили показать им места, связанные с именем Герхарда Терстегена – вот уже как сорок четыре года назад скончавшегося знаменитого подвижника, душепопечителя и поэта, почти всю свою жизнь проведшего в Мюльхайме. С благоговением осмотрев его дом и комнату, где он жил и где остались некоторые его книги и вещи, наши соотечественники пожелали посетить могилу Терстегена, и услышали в ответ, что никто не знает, где она. «Как?», – воскликнули русские офицеры. – «Здесь, где Терстеген жил, вы даже не знаете, где его могила – а мы, далеко отсюда, на севере, столь высоко его чтим!» Горожане устыдились такого обличения – и вскоре в Мюльхайме был создан комитет, поставивший своей целью собрать деньги на поиск могилы Терстегена и сооружение надгробия. Дело пошло, и 6 апреля 1838 года во дворе городской церкви св. Петра, приблизительно там, где он был погребён (точное место найти так и не удалось), был открыт скромный памятник Терстегену, стоящий и до сего дня¹.

¹ См.: *van Andel, Cornelis Pieter. Gerhard Tersteegen. Leben und Werk — sein Platz in der Kirchengeschichte* (в дальнейшем: *van Andel*). Düsseldorf, 1973. S. 237.

В 1846 году великому русскому поэту В. А. Жуковскому (1783–1852), который не только был глубоко верующим христианином, но искренне стремился к внутренней духовной жизни и с этой целью изучал мистико-аскетические² сочинения как православных, так и западных духовных писателей, попал в руки немецкий перевод книги Жана де Берньера-Лувины³ «Сокровенная жизнь со Христом в Боге». Василий Андреевич так увлёкся этой книгой, что стал переводить её на русский язык (сохранился достаточно большой фрагмент). Впоследствии его замысел изменился, и Жуковский, руководствуясь Лувины, написал собственное сочинение под заглавием «О внутренней христианской жизни»⁴. А мы здесь отметим, что немецкий перевод произведений Берньера-Лувины был сделан Герхардом Терстегеном в 1727 году и приобрёл такую популярность, что оказался доступен не только В. А. Жуковскому, но и дошел до современных читателей — книга переиздаётся и доныне⁵.

Всем любителям отечественной истории, несомненно, известно торжественное песнопение «Коль славен наш Господь в Сионе». До появления «Боже, царя храни» оно исполнялось в соответствующих случаях как государственный гимн Российской империи. Автором музыки является знаменитый композитор Дмитрий Бортнянский (1751–1825); автор текста (восходящего к 47-му Псалму) — Михаил Херасков (1733–1807). Но в немецких литургических песенниках с этой мелодией (с указанием имени композитора) печатается духовный гимн Герхарда

² Под словом «мистика», «мистический» здесь и далее понимается христианский опыт личного богообщения, внутренней жизни человека в Боге.

³ *Жан де Берньер-Лувины* (1602–1659) — французский мистик-квиегист. Проводил уединённую, а затем и затворническую жизнь. Не будучи священником и монахом, пользовался большим народным почитанием, проповедуя о внутренней жизни во Христе, о сердечной молитве, терпении искушений и проч.

⁴ См.: *Долгушин Д., свящ.* Религиозная литература в круге чтения В. А. Жуковского 1840-х гг. // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Изд. Томского университета, 2013. С. 215–220.

⁵ Три последние немецкоязычные издания (подсчитать их общее количество не представляется возможным): 1978, 1993, 2004 гг. К 2019 году готовится новое, научное издание этой книги.

Терстегена «Я поклоняюсь силе любви» («Ich bete an die Macht der Liebe») — одно из его лучших поэтических произведений; и неизвестно, какой именно текст Бортнянский положил на музыку раньше (во всяком случае, вокальная декламация удачнее именно в немецкоязычном варианте). Поэтическое влияние Терстегена можно проследить и в творчестве украинского философа и богослова Григория Сковороды (1722–1794); одно из произведений последнего — «Сад божественных песен» — и по названию, и по содержанию весьма близко главному стихотворному сборнику немецкого мистика «Духовный цветник стремящихся к Богу душ»⁶.

Итак, перед нами — духовный учитель и писатель, переводчик, поэт, оказывавший в XVIII — первой четверти XIX веков известное влияние на русское образованное общество, но затем пришедший в полное забвение, так что писавшие о западной мистике и критиковавшие её святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник ничего о нём и о его сочинениях не знали (иначе им, возможно, пришлось бы пересмотреть своё отношение к критикуемому ими предмету). Кто же он такой, и почему нужно сейчас, в наше время, переводить и издавать его книгу?

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Герхард Терстéген (Gerhard Tersteegen) родился 25 ноября 1697 года в г. Мёрсе⁷. Сегодня это достаточно большой город в Северном Рейне-Вестфалии, непосредственно примыкающий к Дуйсбургу; в год рождения Терстегена Мёрс принадле-

⁶ О влиянии немецкой мистики на Сковороду см.: Чижевський Д. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003.

⁷ Биография составлена по книгам: 1. *van Andel* (см. прим. 1); 2. *Lebensbeschreibung des seligen Gerhard Tersteegen // Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christentums von weiland Gerhard Tersteegen. Zweiter Band, III Teil. Spelldorf bei Mülheim an der Ruhr, 1799* (в дальнейшем — *Alte Lebensbeschreibung*), так называемое «Старое жизнеописание». Историческая достоверность и надёжность этого источника, составленного через несколько лет после смерти Терстегена, безусловно принимается всеми современными исследователями его жизни и творчества. См: *van Andel. S. 27.*

жал Голландии, а с 1702 года перешёл под власть прусского короля. Семья Терстегена — голландского происхождения, что видно и по фамилии (её написание было разным: Ter Stegen, Ter Steegen, Terstegen; сам Герхард чаще всего пользовался написанием Tersteegen). Отец — Генрих Терстеген, небогатый купец, пользовавшийся уважением сограждан; так, с 1694 по 1697 год он занимал должность городского казначея; мать — Конера Мария, урождённая Триболер. 1 декабря 1697 года Герхард был крещён в Реформатской Церкви. В семье Терстегенов было восемь детей (из которых Герхард был предпоследним): две сестры и шестеро братьев. Генрих Терстеген умер в сентябре 1703 года в возрасте 45 лет; из оставшихся после него бумаг видно, что он вёл обширную духовную переписку и был очень благочестивым человеком. Мать Терстегена, судя по всему, была женщиной весьма практического склада, желавшей продолжать купеческие традиции своей семьи. Из шести её сыновей, помимо Герхарда, один стал пастором, четверо — купцами. Для купеческой карьеры она готовила и Герхарда. Духовное её влияние на сына, скорее всего, было минимальным; во всяком случае, не сохранилось ни переписки между ними, ни какого бы то ни было упоминания о матери в письмах Терстегена.

С 1703 по 1713 год Герхард обучался в городской Латинской школе, основанной в 1582 году графом Лимбургским и Мёрским Адольфом (существующая и сегодня «Gymnasium Adolphinum Moers»). Мальчик учился с большим удовольствием; особенные успехи он показывал в языках, так что к концу учёбы он свободно владел латынью, древнегреческим, древнееврейским и французским языками (к этому нужно прибавить и прекрасное знание Терстегеном голландского языка). Латинская школа, помимо светских предметов, давала и начальное теологическое образование: ученики подробно изучали Новый Завет (на языке оригинала) и Гейдельбергский катехизис⁸. На окончание гимназического курса Герхард составил стихотворную речь на латинском языке, чтение которой привело в восторг городское начальство. Бургомистр советовал матери Терстегена отдать сына учиться дальше, но она отказалась от такого

⁸ Гейдельбергский катехизис — исповедание Реформатской Церкви, составленное в 1563 г. В 1618 г. этот катехизис включён в число символических книг Реформатской Церкви.

предложения, сославшись на то, что домашние обстоятельства этого не позволяют (хотя была возможность обеспечить учёбу Герхарда за счёт гимназической стипендии). Будущее сына ей виделось совсем иначе. Она уже давно решила, что тот должен стать купцом, и в 1713 году определила его учеником к своему зятю Матиасу Бринку, у которого было своё торговое дело в соседнем Мюльхайме-на-Руре. Этот город и стал местом жизни, подвигов и трудов Терстегена.

* * *

Сохранившиеся документы не указывают на то, что Герхард проявлял в годы своего детства и отрочества какое-то особое благочестие. На Пятидесятницу 1715 года, в возрасте семнадцати лет, он прошёл конфирмацию, приехав для этого из Мюльхайма в Мёрс, и таким образом подтвердил свою принадлежность к Реформатской Церкви. Но горячим приверженцем «веры отцов» он не был, и не она пробудила его религиозные таланты. Обращением ко Христу и к духовной жизни он обязан той среде, в какую он попал, переехав в Мюльхайм. И об этом нужно сказать несколько слов.

Город Мюльхайм-на-Руре сегодня представляет собой часть Рурской агломерации, протянувшейся от Дуйсбурга до Дортмунда в немецком Северном Рейне-Вестфалии. Во времена же Терстегена этот город, большинство жителей которого занимались горным делом и торговлей, был одним из центров реформатского пиетизма. Пиетизм (от лат. *pietas* — благочестие) — возникшее в XVII веке внутри протестантизма движение, ставящее своей целью обращение людей от сухого догматизма и формальной церковности к живой духовной жизни во Христе. Пиетизм был весьма разнообразным явлением, имевшим многие источники: знаменитую книгу Арндта «Об истинном христианстве» (вдохновившую основателя лютеранского пиетизма Филиппа Якоба Шпенера (1635–1705)), английский пуританизм, голландское движение «Nadere Reformation»⁹ и (по большей части у реформатов) французский квиетизм. Отношения пиетизма и официальной Церкви также были разнообразными: от интеграции в церковную жизнь в лютеранстве (когда домашние

⁹ Продолжающаяся (углубляющаяся) реформация (голл.).

собрания для чтения и изучения Библии, душепопечительская, воспитательная, благотворительная деятельность и т. д. вполне сочетались с принятием всего церковного чина) до сектантских крайностей в реформатском пиетизме. Вообще последнему был свойственен больший радикализм, чем пиетизму лютеранскому. Это проявлялось как в особом акценте на индивидуалистическом мистическом соединении с Богом (что могло приводить к религиозному субъективизму), так и в склонности к принятию разных нецерковных воззрений (хилиазм, софиология, учение об Адаме как андрогине и проч.). Родоначальником немецкого реформатского пиетизма считается учившийся в Голландии пастор Теодор Ундерэйк (Theodor Under Eyck, 1635–1693), который с 1660 по 1668 год служил в Мюльхайме и оказал на духовную жизнь города сильное влияние.

Пуританизм и пиетизм дали импульс так называемому Великому духовному пробуждению, имевшему место в первой половине XVIII века во многих местах Европы и Северной Америки. Массы людей каялись и обращались ко Христу. Это движение в полной мере затронуло и нижнерейнские земли Германии. Впоследствии Терстеген писал об этом так: «Нынешнее время я воспринимаю как время особого благодатного посещения Божия. Хотя Господь Иисус всегда готов *взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18, 11), и мы всегда можем прийти к Нему, — но сверх сего Господь иногда посылает людям дни особенной благодати, дни посещения Божия, когда Он необычайным, властным образом осеняет ту или иную страну, местность или отдельного человека, милостивой Своей рукой преизобильно изливая на людей Свою благодать, касаясь их сердец и подвигая их к восприятию Своего слова и к обращению. В такие дни отверзается небесный храм, и Царство Божие становится ближе»¹⁰.

Духовно пробуждённых людей не удовлетворяла внешняя церковность (представленная в Западной Европе после Вестфальского мира 1648 года тремя деноминациями — Римско-Католической, Лютеранской и Реформатской). Они стремились к интенсивной внутренней жизни в Боге, к христианской духовности, которая всецело пронизывала бы их жизнь, —

¹⁰ «Путь истины». Тракта́т IV, «Об отношении к особым духовным дарам, видениям, откровениям и тому подобному», § 9. Наст. изд., с. 191.

а официальные церкви предлагали им лишь отвлечённый догматизм, «стерильную ортодоксию»¹¹ и формальное богослужение. И здесь у новообращённых было два пути. Первый — отделившись от своей церкви, объединиться в общину, в той или иной степени раскольнически-сектантскую. Наиболее ярким примером подобных общин были лабадисты и гернгутеры¹².

Второй путь — церковный сепаратизм¹³. Он предпочитался людьми, которые более глубоко, но и более индивидуалистично обращались ко Христу, у которых не «общинность», а личное возрастание во Христе было на первом месте. Впоследствии за этим сообществом христиан закрепилось особое название — «мирные земли», «Stillen im Lande» (Пс. 34, 20). Они уклонялись от каких бы то ни было догматических и канонических споров и стремились проводить жизнь в тишине (Stille), отрешённости от духа мира сего, молитве и предании всего себя Богу. С внешней стороны они старались не выделяться никакими особенностями поведения, добросовестно исполняя свои гражданские, семейные и бытовые обязанности. Они не составляли никакой «параллельной» церковной структуры, но или ходили каждый в свою церковь, или же, по большей части, отказывались от внешне-формальной церковной жизни. «Мирные земли» собирались домашними кружками для молитвы, духовного чтения и взаимного назидания; в определённое

¹¹ По выражению К. П. ван Анделя. См. *van Andel*. S. 80.

¹² Лабадисты — последователи Жана де Лабади (см. прим. 26); эта община к середине XVIII в. практически прекратила своё существование. Гернгутеры — пиетистское движение, возглавлявшееся выдающимся религиозным деятелем, проповедником и поэтом графом Николаем Людвигом фон Цинцендорфом (1700–1760); существует и поныне. Терстеген критиковал гернгутеров за то, что они останавливались на начальных этапах обращения, считая их уже достигнутой полнотой христианской жизни (в частности, V трактат «Пути истины» посвящён разбору этого явления «поверхностного христианства»).

¹³ Церковный сепаратизм — в отличие от раскола, не создание собственной параллельной «церкви», а, при номинальной принадлежности к господствующей Церкви, неучастие в её жизни. Следует отличать церковный сепаратизм от индифферентизма: первый предполагает у человека стремление к жизни во Христе, последний — лишь формальную принадлежность к Церкви.

время, раз в неделю или в две, проводились большие собрания для проповеди и молитвы.

Духовность «мирных земли» основывалась на упомянутом выше квиетизме. Квиетизм (от лат. *quietus* — спокойный, мирный) — это духовная практика, оформившаяся в XVII веке в Католической Церкви, но вобравшая в себя традицию умного делания¹⁴ как Древней Церкви, так и средневековой западной церковной мистики. Главный принцип квиетизма — отказ от «самостной» деятельности в духовной сфере, приуготовление души к принятию и раскрытию в себе действия Божия и обретение через это покоя в Боге. От человека здесь требуется противление греху, терпение внутренних и внешних искушений, сердечная молитва и всяческое «погашение» активности, происходящей от человеческой падшести. Эта духовная методология хорошо ложится на основной постулат протестантизма — спасение только верой, поскольку квиетистская практика состоит в том, что человек познаёт свою немощь и падшесть и всецело вверяет себя Богу, прилагая усилия не к стяжанию благодати «своими трудами» (католическая «аскетика синергии»), а к тому, чтобы, храня себя от греха и пребывая в молитве, настроиться исключительно «приимательно»¹⁵, верою ожидая действия Божия («аскетика веры»). В силу этого квиетизм органично прижился на протестантской почве реформатского пиетизма¹⁶.

Конечно, при такой духовной практике, требующей большой осторожности, были необходимы трезвые и опытные наставники (духовное окормление в квиетизме почти идентично духовничеству и старчеству в православии). Этого не могло предложить протестантское пастырство (а в Римо-Католической Церкви квиетизм к тому времени был осуждён), и настав-

¹⁴ «Умное делание» — молитвенное сосредоточение всех духовно-душевных сил человека («ума и сердца», по святоотеческой терминологии) в устремлении к Богу. Традиционно связывается с непрерывной Иисусовой молитвой.

¹⁵ «Приимательный» (церк.-слав.) — принимающий (воспринимающий) действие совне без своей активности. Со стороны принимающего требуется «освобождение места» для принимаемого дара и «пассивное» его принятие. Более подробно см. прим. 16 к трактату I. Наст. изд., с. 97–98.

¹⁶ Ниже мы вернёмся к более подробному рассмотрению этого вопроса.

ничество ложилось на плечи духовно одарённых мирян; сама жизнь ставила их на свечник. Таким наставником был странствующий проповедник Эрнст Кристоф Хохман фон Хохенау (1670—1721); под его влиянием началась в Мюльхайме душепопечительская деятельность кандидата богословия Вильгельма Хоффмана (1676—1746). В 1694 году Хоффман закончил теологический факультет Дуйсбургского университета, однако до церковного служения допущен не был из-за своих симпатий к квиетизму. С 1713 года Хоффман начинает вести в Мюльхайме регулярные внебогослужебные собрания сепаратистского толка. Впрочем, сепаратизм Хоффмана был весьма умеренный. Его собрания не противопоставлялись официальному богослужению, и уж тем более он не стремился организовывать какое-то своё особое сообщество или секту.

Вот в такой пиетистско-квиетистской среде оказался Герхард Терстеген, переехав в Мюльхайм. Здесь он всей душой обратился к Богу. Постепенно он сблизился с Вильгельмом Хоффманом, который стал его духовным учителем и ближайшим другом.

* * *

С внешней стороны жизнь Терстегена текла следующим образом. Четыре года, с 1713 по 1717-й, он обучался у мужа своей сестры Матиаса Бринка торговому делу. Душа молодого человека не лежала к этому занятию; кроме того, Бринк был человек грубый и жестокий. Скажем, если не находилось каких-то занятий по лавке, он заставлял Герхарда перекачивать по двору пустые бочки — «чтоб без дела не сидел». Отдохновение Терстеген находил в новом круге своего общения. Его сердца обильно коснулась божественная благодать, что имело следствием тяготение к молитве и уединению, которого он, живя у Бринка, найти не мог. В это время определилось и отношение к нему членов его семьи. За исключением одного из старших братьев, Иоганна (который также был купцом и жил в Мюльхайме), все родственники считали его «странненьким», чуть ли не повредившимся в уме. Закончив учёбу, Терстеген пробовал начать своё торговое дело, но очень быстро оставил это занятие. Постоянное общение с мирскими людьми, необходимость всё время думать о суетных вещах и невозможность сосредоточиться на внутренней жизни были ему невыносимы. Поэтому

он решил освоить более спокойную профессию и с этой целью стал обучаться ткацкому делу. Однако состояние его здоровья не позволило ему стать ткачом, и в 1719 году он избрал для себя ремесло ленточника (изготовителя шёлковых лент).

И здесь начался новый, очень важный этап в жизни Терстегена. Он поселился один и стал проводить весьма строгую подвижническую жизнь. Уединённая работа, молитва, чтение Священного Писания и духовных книг сопровождалась крайним аскетизмом. Ел он один раз в день самую скудную пищу (чаще всего это была мука, разведённая в воде, и стакан молока), а почти все деньги от продажи своих лент раздавал бедным. Из-за слабого здоровья (Терстеген всю жизнь страдал частыми и сильными головными болями) он нередко по целым неделям вынужден был лежать в постели, и тогда источник его дохода и вовсе иссякал, так что порой он доходил буквально до порога нищеты. Несмотря на это, он был доволен и мирен. «Я не могу передать, как я был рад, когда жил один», — писал он десятилетиями позже. — «Мне нередко приходила в голову мысль, что ни один король на свете не может жить столь счастливою жизнью, какую жил я»¹⁷. Иначе оценивали образ жизни Терстегена его родственники. Когда в 1721 году умерла его мать, Герхарда даже не позвали на похороны, чтобы он не участвовал в дележе наследства. На семейном совете было решено выделить для него какое-нибудь недвижимое имущество, потому что всё остальное — были уверены члены семьи — он немедленно раздаст кому попало. Поэтому Терстегену достался небольшой дом в Мёрсе. Но Терстеген уговорил своего брата Иоганна, единственного, как мы уже сказали, симпатизирующего ему, купить у него этот дом, и почти все выреченные деньги действительно раздал бедным.

Внутри же себя Терстеген проходил путь духовного взросления, когда состояние благодатного мира и покоя в Боге перемежалось — и чем дальше, тем больше — с периодами духовной сухости и тьмы. «Он должен был пройти чрез многие искушения, испытания и состояния богооставленности; Бог скрывал от его чувства Свою благодать, дабы проверить его верность и терпение и приуготовить его к будущей его деятельности»¹⁸, — говорится в «Старом жизнеописании». Этот же источ-

¹⁷ Alte Lebensbeschreibung. S. 11.

¹⁸ Ibid.

ник сообщает о некоторых искушениях, которые приходилось выдерживать Терстегену. Так, он подвергался нападению и действию злых духов, что проявлялось, в частности, в том, что во время молитвы во всём его теле начиналось необычное дрожание. В такие моменты он полностью предавал себя Богу, старался не обращать на это никакого внимания и шёл работать. Через некоторое время искушение отошло¹⁹. В другой раз он неосмотрительно стал читать сочинения теософа Якоба Бёме и пришёл в состояние сильной немирности и страха. Нормальное расположение духа вернулось к нему только тогда, когда он возвратил книгу её владельцу²⁰. Также у Терстегена почти непрерывно обострялись его болезни, так что он совсем лишился телесных сил, а помочь ему было некому. Бывало, что он изнемогал от жажды, а спуститься по лестнице на первый этаж из каморки, где он жил, сил не было.

Эти всевозможные испытания продолжались пять лет, доходя по временам до состояния величайшей безотрадности, тьмы и потери чувства веры. Терстеген порой сам не понимал, что с ним происходит. В 1721 году он писал: «...Брат N беспокоится, где я. Под покровом Божиим доселе нахожусь я на пути к тишайшей вечности, достигнуть которую я надеюсь ещё и в сей жизни. Но как при великом волнении на море, когда буря скрывает и солнце, и звёзды, невозможно узнать своё местонахождение, — так и я не могу сказать тебе точно, где я нахожусь. Я бы и сам хотел это знать. Но я уповаю, что мой Иисус воссядет у кормила, и Дух Его управит мой кораблик, ибо я не могу и не хочу рулить против ветра. Посему я предаю своё судёнышко Ему, подобно Павлу и его спутникам (Деян. 27, 15), наблюдая лишь за тем, чтобы не сесть мне на мель самости — а в остальном пусть будет, что будет. Если я и потерплю кораблекрушение, то ведь и оно случится в море Божества, бездна которого для меня столь же прекрасна, сколь и лучшая гавань»²¹.

Тяжкий духовный кризис Терстегена закончился в 1724 году, когда во время поездки в соседний город его сердце просветилось Божиим светом и совершенно успокоилось. После этого

¹⁹ См.: *van Andel*. S. 21.

²⁰ Ibid.

²¹ Gerhard Tersteegen. Für Dich sei ganz mein Herz und Leben. Gießen, 1997. S. 7–8. См. также: *van Andel*. S. 21.

13 апреля, в Великий Четверг, Терстеген написал собственной кровью весьма примечательный документ. Вот его текст:

«Моему Иисусу.

Тебе, моему единственному Спасителю и Жениху Иисусу Христу, я предаю себя в полное и вечное владение. С этого вечера, в который Ты, жених крови²² и прибежище моё, Своею смертною скорбью и бореньем до кровавого пота в Гефсиманском саду выкупил меня, как невесту, Себе в собственность, разрушил врата ада и отверз мне любвеобильное сердце Твоего Отца, — я всем своим существом отрекаюсь от всякого права и власти над собою, кои мне беззаконно давал бы сатана. С этого вечера да будет моё сердце и вся моя любовь навсегда отданы Тебе и принесены Тебе в жертву благодарения. Отныне и во веки *не моя, но Твоя воля да будет*²³! Повелевай, правь и руководи мною! Я предаю Тебе всю власть над собою и обещаю, Твоею помощью и содействием, скорее излить сию мою кровь до последней капли, нежели с произволением и сознательно быть неверным или непокорным Тебе, как внутри себя, так и совне. Ты же, о сладчайший Друг наших душ, непрестанно и всецело сохраняй меня в целомудренной девственной любви к Тебе. Да не отступит от меня Твой Дух; да укрепляет меня Твоё смертное борение. Ей, аминь! Твой Дух да запечатлеет то, что в простоте написал Твой недостойный раб в вечер Великого Четверга 1724 года. Герхард Терстеген»²⁴.

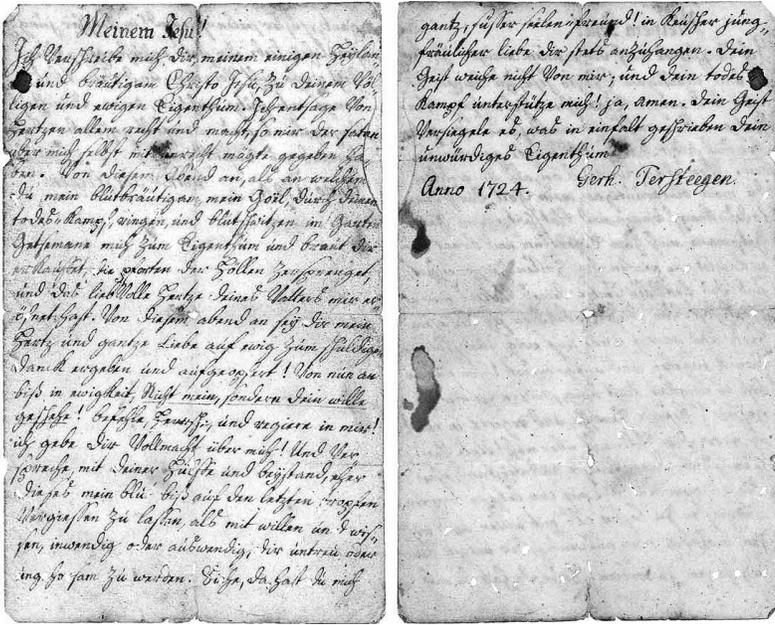
Для современных людей писать письма собственной кровью — это нечто совершенно необычное и, пожалуй, даже не вполне нормальное. Тем более может показаться это удивительным в отношении Герхарда Терстегена — человека чрезвычайной духовной трезвости и уравновешенности, который всегда был противником экзальтации и всяких «необычностей» в поведении. Но в его эпоху это явление было достаточно распро-

22 Исх. 4, 25–26. Здесь важна эта отсылка, поскольку в данном отрывке говорится о избавлении Моисея (а в его лице — всех духовно призванных людей) от того, что *встретил его Господь и хотел умертвить его*.

23 Подчёркнуто Терстегеном.

24 *Van Andel. S. 22–23.*

Письмо Терстегена, написанное кровью. 1724 г.

странено в квиетистской среде²⁵, так что Терстеген здесь следовал традиции. Это было предельно серьёзное выражение того, что заключён своеобразный обет, принято решение всецело посвятить себя одному только Богу.

* * *

После этого события Терстеген, с совета Вильгельма Хоффмана, изменил свой образ жизни. Во-первых, он ослабил аскетические подвиги и стал питаться лучше. Во-вторых, в 1725 году он принял к себе в дом ученика, Генриха Зоммера, который под руководством Терстегена овладевал профессией ленточника, а заодно помогал своему наставнику по хозяйству. Как ни любил Терстеген уединение, но при его слабом здоровье без помощника ему было не обойтись. Жизнь Терстеген и Зоммер вели почти монастырскую. В шесть утра они

²⁵ См.: Ibid. S. 23.